

Пастухов Николай Иванович

**Разбойник Чуркин народное
сказание "Старого знакомого"**

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Иванович П.**
Разбойник Чуркин народное сказание "Старого знакомого": Часть 2 / Пастухов Николай Иванович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 259 с.

ISBN 978-5-521-27335-5

ISBN 978-5-521-27335-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Брошенный Чуркинымъ въ лѣсу Осипъ, котораго онъ считалъ покойникомъ, къ вечеру, въ день бывшей на дорогѣ катастрофы, отдышался и пришелъ въ себя. „Гдѣ я?“ подумалъ онъ и началъ скидывать съ себя наваленный на него хворостъ; когда онъ высвободился изъ-подъ него, то не мало былъ удивленъ, увидавъ кругомъ себя сосны, да ели, шумѣвшія своими вершинами. Мало по малу, онъ сталъ припоминать, что съ нимъ случилось, но память измѣняла ему; голова была такъ тяжела, что онъ не могъ ее приподнять; страшная боль въ затылочной части, волосы, облитые запекшейся кровью, — все это дало ему понять, что съ нимъ произошло, но кто и какъ уложилъ его въ лѣсу подъ хворостъ, — для него оставалось загадкой. Крѣпкая натура каторжника пересилила боль: онъ приподнялся на колѣни и, какъ-бы по инстинкту, поползъ до дороги. Жажда мучила его, и только на разсвѣтъ другаго дня, онъ замѣтилъ на дорогѣ лужицу воды, не успѣвшую еще высохнуть послѣ бывшаго дождя; онъ подползъ къ этой лужицѣ и съ жадностью припалъ къ ней губами. Это освѣжило память заживо погребеннаго каторжника, и онъ припомнилъ, какъ возвращался съ своимъ атаманомъ изъ Краснополя, какъ они наткнулись на баррикаду, загородившую имъ путь; вспомнилъ даже слова напавшихъ на нихъ людей, но какъ они уложили его, — онъ не могъ сообразить: тутъ память положительно измѣняла ему. Онъ не столько думалъ о своемъ положеніи,

сколько о Чуркинѣ. Вопросъ, живъ-ли онъ, или нѣтъ, сильно тревожилъ вѣрнаго слугу разбойника. Напившись еще разъ въ лужицѣ, онъ намочилъ водою голову, обвязалъ ее тряпкой, оторванной отъ исподняго платья, собрался съ силами, приподнялся на ноги, съ помощію попавшейся ему палки, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и остановился. „Куда-же я иду: назадъ, въ Краснополье, или впередъ, на деревню Реши?“ сказалъ онъ самъ себѣ и взглянулъ на небо.

Солнце уже было высоко, и онъ припомнилъ, какъ оно стояло въ день, когда они ѣхали изъ Реши. „Да, я, кажись, не ошибаюсь, иду на Реши“, подумалъ онъ и заковылялъ по избранному имъ направленію.

Когда онъ прошелъ версты двѣ, силы ему измѣнили. Желудокъ требовалъ пищи, о которой и думать было нечего; онъ прилегъ на травку, отдохнулъ съ полчаса и снова пошелъ дальше. Такимъ образомъ, въ теченіи всего дня онъ прошелъ не болѣе пятнадцати верстъ, утоляя свой голодъ только одной водою изъ лужъ, попадавшихъся ему по пути.

На другой день, передъ вечеромъ, Осипъ, выбравши себѣ для отдыха мѣстечко, прилегъ, задремалъ и не слыхалъ, какъ подошли къ нему два незнакомца, съ дубинами въ рукахъ, одѣтые въ какіе-то лохмотья, съ котомочками за плечами. Они оглядѣли его и сказали:

— Эй, любезный, будетъ тебѣ спать!

Отвѣта не было.

— Погляди, живъ-ли онъ: вишь, какъ его изуродовали, весь въ крови! сказалъ одинъ изъ нихъ другому.

— Дышетъ, отвѣтилъ тотъ, нагнувшись къ лицу Осипа, и разбудилъ его.

Каторжникъ окинулъ ихъ глазами и не нашелся, что сказать.

— Откуда и кто ты?

— Работникъ Наума Купріянова, отвѣтилъ онъ, подумавши.

— Какого Купріянова?

— Дворника изъ деревни Реши.

— Давно-ли онъ тамъ поселился? Кажись, такого у насъ не было?

— Недавно, съ недѣлю только.

— Какъ-же ты здѣсь очутился?

— Ъздить въ волость, напали на меня разбойники, отбили лошадь и самого чуть на тотъ свѣтъ не отправили.

Незнакомцы переглянулись между собою.

— Кому-бы это? сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Гдѣ у тебя отбили лошадь? спросилъ другой.

— Въ лѣсу, версты за три отъ Краснополя.

— Такъ это я знаю, — работники кабатчика устроили дѣльце, замѣтилъ вполголоса незнакомецъ.

— Братцы, нѣтъ-ли у васъ корочки хлѣбца? Ъсть ужъ больно хочется: два дни ничего не ѣлъ. Будете когда въ Решахъ, я заплачу вамъ за хлѣбъ, за соль.

Незнакомцы взмидовались надъ нимъ, достали изъ котомки ломоть хлѣба, посолили его и подали каторжнику, который съ жадность съѣлъ его.

— Ну, какъ теперь себѣ чувствуешь? закуриная трубочку махорки, спросили нежданные благотворители.

— Получше, силы какъ-бы прибавилось.

— Вставай; мы тебя немножко проводимъ.

— Вы ужъ не откажите мнѣ голову перевязать!

— Пожалуй, почему не помочь, протянулъ одинъ изъ незнакомцевъ и приступилъ къ перевязкѣ.

— Эхъ, какъ тебѣ затылокъ-то разворотили! огладывая рану, сказалъ другой; дубиной, знать, хватили, кажись, самую кость прошибли, прибавилъ онъ и ткнулъ въ рану пальцемъ.

— Что больно, небось? спросилъ перевязывавшій.

— Да, стиснувши зубы отъ боли, прошепталъ Осипъ.

— Ну вотъ, готово! Съ моей руки скоро заживетъ.

— Спасибо, добрые люди; вы сами откуда будете?

— Здѣшніе жители, лѣсъ казенный караулимъ.

Осипъ зналъ, что лѣсныхъ сторожей въ Сибирскихъ лѣсахъ, и при томъ въ такой глуши, не полагается, и смекнулъ, какіе это сторожа, но не подаль имъ никакого вида, поднялся на ноги и пошелъ съ ними по дорогѣ.

— Ты хорошо замѣтилъ тѣхъ людей, которые отбили у тебя лошадь? спросили мнимые сторожа у Осипа.

— Я ихъ въ глаза не видалъ, ночью меня подкараулили.

— Сколько ихъ было?

— По голосамъ судить, — трое.

— Ну, такъ это они, сказали незнакомецъ другому.

Слова эти Осипъ пропустилъ мимо ушей, хотя хорошо понималъ, что рѣчь шла о тѣхъ трехъ лицахъ, которыхъ онъ видѣлъ въ Краснополскомъ кабацкѣ.

— А вотъ этого не тронули, который вчера проѣхалъ въ телѣгѣ, замѣтилъ одинъ изъ спутниковъ каторжника.

— Прозѣвали, знать, а лошадка у него порядочная, да и самъ одѣтъ, какъ купецъ какой, добавилъ другой.

— Это вы про кого говорите? вмѣшался въ разговоръ Осипъ.

— Про одного проѣзжаго, вчера мы его здѣсь видѣли.

— Какой онъ изъ себя?

— Черный такой, глаза, какъ у волка.

Каторжникъ какъ-бы подпрыгнулъ отъ такой радостной для него вѣсточки. Онъ понялъ, что проѣзжій тотъ былъ его атаманъ.

— Ты для чего спрашиваешь, какой, молъ, былъ тотъ проѣзжій? полюбопытствовали знакомцы.

— Такъ спросилъ, мы въ Краснополѣ вдвоемъ были, товарищъ мой тамъ остался, да тотъ былъ не черный, а русый, сказалъ Осипъ, не желая продолжать разговоръ.

Пройдя верстъ пять, лѣсные обитатели остановились и объявили Осипу, что они далѣе съ нимъ не пойдутъ; а сверотятъ въ лѣсъ, якобы, въ свою сторожку. На прощаньи они дали ему ломтикъ хлѣба и сказали:

— Ну, прощай, братъ, можетъ, когда еще и увидимся!

— Будете въ Решахъ, заходите къ намъ, въ долгу не останусь.

— Побываемъ какъ-нибудь.

— Далеко будетъ до деревни?

— Нѣтъ, верстъ десятокъ осталось, сказали знакомцы и направились съ дороги въ лѣсную чащу.

Осипъ радъ былъ, что остался одинъ и, напрягнувъ силы, ускорилъ шаги. „Такіе-же, знать, лѣсники, какъ и мы“, подумалъ онъ о незнакомцахъ и въ душѣ поблагодарилъ ихъ за радушіе и за кусокъ хлѣба. Онъ былъ теперь вполне увѣренъ въ томъ, что Чуркинъ живъ и, слѣдовательно, отомститъ за него разбойникамъ. Въ умѣ его вертѣлась только одна мысль, именно—какъ онъ съумѣлъ съ ними управиться.

Для Осипа теперь было ясно, что подъ хворостъ запряталъ его самъ атаманъ, но для чего, онъ понять не могъ.

На разсвѣтъ, Осипъ добрался до деревни Реши, но не пошелъ къ дому Чуркина улицей, чтобы не встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь съ обвязанной окровавленной головой, что, конечно, возбудило-бы различные толки въ деревнѣ, а направился по задворкамъ, обогнулъ огородъ знакомаго ему дома, оглядываясь кругомъ, вошелъ въ улицу, приблизился къ окну и постучался въ него.

— Кто тутъ? послышался въ избѣ голосъ Чуркина.

— Василій Васильичъ, отопри, это я!

Чуркинъ въ недоумѣніи протеръ свои глаза и снова спросилъ, не подымаясь съ лавки, на которой онъ спалъ у окна.

— Да кто ты?

— Осипъ!

„Неужели-же онъ воскресъ изъ мертвыхъ?“ подумалъ разбойникъ, приподнимая голову. Осипъ, увидавъ лицо Чуркина, снялъ шапку и сказалъ:

— Отопри поскорѣй!

Чуркинъ долго не могъ опомниться отъ удивленія, видя передъ собой Осипа, котораго онъ считалъ умершимъ; другой-бы на его мѣстѣ началъ открещиваться отъ живаго покойника, но Чуркинъ былъ не робкаго характера. Онъ всталъ съ лавки, отперъ ворота, впустилъ Осипа и крѣпко съ нимъ расцѣловался.

XXXV.

— Ну, братъ, не ожидалъ, чтобы ты изъ мертвыхъ воскресъ! сказалъ Чуркинъ Осипу, расцѣловавшись съ нимъ по-пріятельски. Значить, я похоронилъ тебя за-живо? прибавилъ онъ.

— Такъ это ты меня хворостомъ завадилъ? спросилъ каторжникъ.

— Не на дорогѣ-же оставлять тебя мнѣ было; замертво поднялъ я тебя, уложилъ въ телѣгу, проѣхалъ нѣсколько, гляжу, ты не дышешь, ну, и спряталъ тебя подъ хворостъ.

— А за меня не отомстилъ?

— Всѣхъ уложилъ, послѣ расскажу; пойдемъ, ты, небось, усталъ, да и не оправился еще.

— Куда-же, въ избу?

— Нѣтъ, въ свѣтлицу, тамъ тебѣ покойнѣй будетъ.

Осипъ, едва передвигая ноги, взобрался на крылечко и вошелъ въ сѣни. Чуркинъ отворилъ ему двери свѣтелки, постелилъ своему пріятелю кастанъ, далъ подъ голову свой казакинъ, и Осипъ улегся, издавая стоны отъ боли въ головѣ.

— Василій Васильевичъ, расскажи, чѣмъ у васъ въ лѣсу дѣло порѣшилось?

Чуркинъ передалъ ему всѣ подробности и затѣмъ попросилъ его, чтобы онъ никому о томъ ничего не рассказывалъ.

— Если Ирина Ефимовна будетъ спрашивать, что мнѣ сказать ей?

— Расшибся, молъ: у телѣги ось сломалась, вотъ и все. Баба вѣдь дура, всѣмъ расскажетъ.

— Она у тебя, кажись, не болтунья какая, чай, знаешь.

— Всяко бываетъ; по забывчивости, кому проговорится, а потомъ, „словес не воробей, выпустишь, не изловишь“, пойдутъ благовѣститъ, начальство узнаетъ, а тамъ судъ, да дѣло, поди, расхлебывай кашу-то. Ты усни, а утромъ я къ тебѣ приду.

— Вотъ что, перевяжи ты мнѣ голову, да примочи ее водичей, а то смерть, такъ ее всю и воротить.

Чуркинъ досталъ чистое полотенце, намочилъ его водой и перевязалъ зияющую рану каторжника, затѣмъ удалился въ избу.

Ирина Ефимовна, во все время отсутствія мужа изъ избы, прислушивалась къ каждому движенію на дворѣ и къ тѣмъ разговорамъ, которые невинно долетали до слуха ея. При входѣ Чуркина въ избу, она не вытерпѣла и спросила у него:

— Вася, съ кѣмъ ты тамъ говорилъ?

— Осипъ пріѣхалъ, съ нимъ неблагополучіе случилось: голову расшибъ; ось, говоритъ, въ телѣгѣ сломалась, вотъ и все.

— Гдѣ-же онъ, что въ избу нейдетъ?

— Въ свѣтелкѣ я его оставилъ. Спи покойно, укладывайся на лавкѣ, покончилъ онъ свою рѣчь.

Ирина Ефимовна удовлетворилась словами мужа и тоже уснула.

Такъ прошелъ день, другой и третій. Здоровье Осипа хотя и поправлялось, во не на столько, чтобы онъ могъ подняться на ноги. Разбойникъ ухаживалъ за нимъ, какъ за малымъ ребенкомъ, ежедневно по два раза перевязывалъ ему рану. Ирина Ефимовна, въ свою очередь, поила его чаемъ и не отказывала, по возможности, ему ни въ какихъ требованіяхъ относительно пищи. Между тѣмъ лавка и кабачекъ были отдѣланы почти за-ново, не доставало только патента, да товара, чтобы открыть въ нихъ торговлю.

— Вотъ, писарь, знать, обманулъ тебя, общался привезти патентъ, а не доставляетъ, сказала Ирина Ефимовна своему благовѣрному.

— Привезетъ, знать, что-нибудь его задержало, сухо отвѣтилъ разбойникъ и подумалъ: „а что, если и въ правду онъ проведетъ меня? Дорого-же онъ за то поплатится“.

На самомъ дѣлѣ, писарь былъ вѣренъ своему слову.

Однажды вечеромъ, когда уже Осипъ оправился отъ раны и сидѣлъ у воротъ на заваленкѣ, въ концѣ деревни послышался стукъ колесъ и лай собакъ. „На кого-бы это имъ кидаться, знать, чужой кто ѣдетъ; на своихъ лаять не стануть“, думалъ онъ, вглядываясь въ даль улицы. Соображенія его не обманули: онъ увидалъ приближавшуюся одноколку и въ ней сидѣвшаго человека, который остановилъ лошадь, вылѣзъ изъ экипажа и, подойдя къ окну одной избы, постучался въ него.

— Что нужно? откликнулся хозяинъ.

— Гдѣ здѣсь Наумъ Купріянычъ живетъ?

— Подальше туда, зеленые окна увидишь, это его изба будетъ.

При этихъ словахъ Осипъ поднялся съ заваленки, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ и крикнулъ:

— Здѣсь Наумъ Купріянычъ!

— А, здравствуй, дома онъ? отозвался тотъ, подѣхавъ къ Осипу.

Каторжникъ пристально вглядѣлся въ него и отвѣтилъ.

— Дома, онъ вась ужъ заждался.

Чуркинъ въ это время вышелъ изъ воротъ и такъ обрадовался, увидавъ передъ собою волостнаго писаря, что чуть

не кинулся къ нему въ объятія. Осипъ принялъ отъ писаря лошадь и отвелъ ее къ себѣ на дворъ; тѣмъ временемъ въ избѣ засвѣтили огонь, и въ какія-нибудь десять минутъ на столѣ появились закуски и выпивка, и бесѣда Чуркина съ писаремъ приняла самый дружескій характеръ; Ирина Ефимовна также приняла въ ней свое участіе и, какъ женщина съ толкомъ, не была въ ней лишней. Осипъ исполнилъ роль слуги, и время отъ времени, хотя и отнѣживался, принужденъ былъ прикладываться къ рюмочкѣ по настоянію дорогаго гостя. Говоря о томъ и о семъ, писарь даже запечатывалъ сказать о самой сути дѣла. Чуркинъ избралъ минутку и, чтобы напомнить ему, сказалъ:

— Ну, Петръ Васильевичъ, какъ на счетъ патента?

— Зачѣмъ и пріѣхалъ къ тебѣ, другъ сердечный, отвѣтилъ онъ.

— Взяли его, али нѣтъ?

— То-есть, какъ это взяли?

— Выправили, я хотѣлъ сказать.

— Да, выправилъ, только не я.

— А кто-же?

— Такой у меня человѣкъ есть, онъ по этимъ дѣламъ ма-ракуетъ. Вотъ тебѣ и патентъ твой, доставая изъ кармана бумаги, сказалъ писарь.

— Благодарствую за это, разглядывая протянулъ разбойникъ. На, убери его, обратясь къ женѣ, сказалъ Чуркинъ и началъ еще усерднѣе угощать писаря.

Пирушка продолжалась далеко за полночь; гость, испивши порядкомъ, да къ тому-же и отъ усталости, какъ-то осовѣлъ и захотѣлъ отдохнуть. Ему была приготовлена въ свѣтелкѣ постель, и онъ расположился тамъ, какъ у себя дома, не подозрѣвая того, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Осипъ все время ухаживалъ за нимъ и ощупывалъ карманы. Прошло нѣсколько минутъ, писарь перевернулся лицомъ къ стѣнѣ и захрапѣлъ; каторжникъ вынулъ изъ кармана гостя бумажникъ, увидалъ въ немъ пачку денегъ и отнесъ все это Чуркину.

— Атаманъ, взгляни-ка, сколько у писаря денегъ-то, сказалъ онъ, подавая бумажникъ.

— Порядкомъ накопилъ, давай, я пересчитаю.

Каторжникъ усѣлся къ столу, за которымъ находился Чур-

кинъ, при чемъ глаза его страшно разгорѣлись на кредитки, пересчитываемыя Чуркинымъ.

— Восемьсотъ сорокъ пять рублей, протянулъ счетчикъ, укладывая деньги обратно въ бумажникъ.

— Почти тысяча, нельзя-ли переложить ихъ къ тебѣ? вопросительно сказалъ Осипъ.

— Можно, только осторожно, да не теперь.

— Какъ-же это сдѣлать?

— Придумай, если есть у тебя смекалка.

— Что думать, въ лѣсу надо его подкараулить.

— Дѣльно, пусть проспится, мы его до вечера не выпустимъ, а ты часочка за три до его отъѣзда ступай въ лѣсъ и подожди его тамъ.

— Я самъ такъ мекалъ.

— А теперь поди, отдохни, да и я прилягу.

Утромъ деревенскіе обитатели какъ-то пронюхали, что у дворника Наума Купріянова ночуетъ ихъ волостной писарь, и сказали о томъ старостѣ, а тотъ, не долго думая, взялъ съ собою нѣсколько стариковъ и пошелъ привѣтствовать начальство. Чуркинъ встрѣтилъ православныхъ и объявилъ имъ, что Петръ Васильевичъ пріѣхалъ позднеенько и еще поживаетъ.

— Одинъ онъ или со старшиной? любопытствовали мужички.

— Въ одиночествѣ, отвѣчалъ разбойникъ.

— А по какимъ дѣламъ пріѣхалъ, не знаешь?

— Такъ, изъ города въ гости ко мнѣ заѣхалъ.

Крестьяне почесали затылки и усѣлись на заваленку ожидать пробужденія Петра Васильевича. Осипу было приказано Чуркинымъ напоить лошадку писаря и дать ей корму.

Было около восьми часовъ утра, когда Чуркинъ вошелъ въ свѣтлицу, кашлянулъ разъ, другой, послѣ чего писарь открылъ глаза, протеръ ихъ и спросилъ:

— Гдѣ это я нахожусь?

— У меня, въ гостяхъ, Петръ Васильевичъ.

— А, Наумъ Купріянычъ! Ну, и угостилъ-же ты меня вчера, я даже забылъ, гдѣ ночую, потягиваясь, проговорило волостное начальство.

— Хорошо-ли спали-почивали?

— Ничего, выспался за первый сортъ; чайкомъ-бы ты

меня теперь попотчивалъ; было-бы недурно съ похмѣлья животы пообогрѣть.

— Самоваръ готовъ, пожалуйста.

— Сейчасъ я встану.

— Староста деревенскій съ мужиками къ вамъ пришли.

— Что имъ нужно?

— Повидать хотятъ.

— Ну, пусть ихъ подождутъ.

Писарь одѣлся, сполоснулъ отекавшее свое лицо, вошелъ въ избу и усѣлся пить чай за столъ, гдѣ красовалась и бутылочка крѣпкой настойки. Вошли мужички, староста выдвинулся впередъ, почесалъ затылокъ, откашлялся и сказалъ:

— Здравствуй, Петръ Васильичъ!

— Благодарствую, православные, отвѣтилъ тотъ: что хорошенъкаго? прибавилъ онъ.

— Тебя, вотъ, съ прїѣздомъ поздравить пришли.

— Спасибо, на добромъ словѣ, садитесь, да побесѣдуйте.

— Мы еще побываемъ; а тебя ужъ, чайку напившись, ко мнѣ милости прошу, кланаясь въ поясъ, говорилъ деревенскій староста.

— Зайду, вотъ съ Наумомъ Купріянычемъ вмѣстѣ побываемъ.

— Прощенья просимъ.

— Ступайте съ Богомъ.

Крестьяне вышли. Чуркинъ налилъ двѣ рюмки настойки и первую изъ нихъ предложилъ своему гостю, который, конечно, не отказался. Вскорѣ бутылочка была опорожнена.

— Ирину, подавай намъ другую; съ одной, пожалуй, хромать будешь, сказалъ Чуркинъ.

— Довольно, Наумъ Купріянычъ, отговаривался писарь.

— Въ кои-то вѣки заѣхали къ намъ въ гости, да отъ угощенія отказываетесь, этого нельзя. Я еще передъ вами, Петръ Васильевичъ, въ долгу нахожусь, позволь расквитаться, подавая ему двѣ четвертныхъ бумажки, съ какой-то утонченной вѣжливостію, сказалъ разбойникъ.

— Я и безъ того тобой доволенъ.

— Нельзя, никто даромъ не работаетъ, возьмите.

— Что съ тобой дѣлать, надо уважить, укладывая кредитки въ бумажникъ, отвѣчалъ писарь.